

Е.Е. Линева, Ф.Е. Корш

**Великорусские песни в народной
гармонизации**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е.Е. Линева**
Великорусские песни в народной гармонизации: Том 1-2 / Е.Е. Линева, Ф.Е. Корш – М.: Книга по Требованию, 2015. – 307 с.

ISBN 978-5-517-97534-8

ISBN 978-5-517-97534-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	I
Нѣсколько замѣчаній объ исполнителяхъ пѣсенъ	XXXI
Опытъ опредѣленія ладовъ народной пѣсни	XXXVII
Оригинальныя народныя выраженія и замѣчанія о пѣніи	XLVII
Замѣчанія по поводу фонографа	XLIX
Таблицы I и II	
Опечатки.	

Пѣсни лирическія:

1. Горы	1.
2. Горы (вариантъ второй)	4
3. Лучина	7
4. Не пой, не пой, соловьюшокъ	9
5. Ой, да ты не пой, соловьюшка	18
6. Ахъ, да ты, соловьюшекъ глѣсной	15
7. Долина моя, долинушка	18
8. Цвѣли въ полѣ цвѣтики	21
9. Снѣжки бѣлы, опушисты	25
10. Снѣжки бѣлыя, пушисты	27
11. Ты, дѣтинушка, да сиротинушка	31

Свадебная:

12. Букушечка кукуеть	33
---------------------------------	----

Плясовая:

13. Выйду за ворота	35
-------------------------------	----

Историческая:

14. Какъ у насъ, на святой Руси	43
---	----

Хороводная:

15. У насъ по морю	47
------------------------------	----

Юмористическая:

16. Сарафанчикъ	50
---------------------------	----

Игровая:

17. Занька	58
----------------------	----

Бурлацкая:

18. Дубинушка	62
-------------------------	----

	стр.
Солдатская-историческая:	
19. Какъ по Камѣ, по рѣкѣ	67
Тюремная:	
20. Жавороночекъ	71
Духовный стихъ:	
21. Мы проспали, продремали	78
Разбойничья:	
22. Ты, рябинушка, ты, кудрява	75
Плясовая (на рожкахъ):	
23. Камаринская	78

Свѣдѣнія и замѣчанія по вопросамъ, затронутымъ въ сборникѣ, могутъ быть адресованы въ Москвѣ, въ Политехническій Музей, Музыкально-Этнографической Комиссiи при Обществѣ Любителей Естествознанiя, Антропологiи и Этнографiи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Важность изученія памятниковъ народнаго творчества давно признана. Роль ихъ громадна. Они вносятъ въ жизнь своеобразный элементъ, называемый національнымъ, по который не разъединяетъ людей, подобно узко понятому патриотизму, а напротивъ соединяетъ ихъ однимъ общимъ чувствомъ любви къ прекрасному, внушаетъ уваженіе и безпристрастіе къ искусству разныхъ народностей, являющемуся результатомъ вдохновенія и труда многихъ поколѣній, начиная съ доисторическихъ временъ до нашего времени, и охватывающему всѣ стороны жизни народной въ личномъ и общественномъ смыслѣ. Этотъ богатый, безконечно разнообразный и гибкій матеріалъ, иногда едва уловимый подъ наслоеніями времени, представляетъ удивительно широкое поле для собирателя и изслѣдователя.

Но изученіе *пѣсенъ народныхъ* имѣетъ особенно важное значеніе. Онѣ хранятъ въ выразительной музыкальной формѣ рассказы старины, цѣлыя поэмы любви и героизма, картины быта и духовной жизни людей близкихъ къ природѣ, способныхъ на простыя, искреннія чувства; онѣ охватываютъ болѣе широкую область и проникаютъ въ душу человѣка глубже, чѣмъ произведенія другихъ искусствъ. Свободная импровизація — отличительная черта народнаго музыкальнаго творчества — какъ бы еще расширяетъ его границы.

По богатству эпическаго и бытового содержанія, по красотѣ мелодій, оригинальности голосоведенія и своеобразности ритма русская народная пѣсня стоитъ очень высоко между пѣснями другихъ народностей, и изученію ея придаютъ не только національное, но общечеловѣческое значеніе. Нѣкоторые ученые видятъ въ ней сохранившіеся остатки древнѣйшей изъ цивилизацій. Еще болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ концѣ XVIII столѣтія, англичанинъ Матьё Гётри, въ своей диссертациі о русскихъ древностяхъ*), проводилъ параллель между русскими и древне-греческими инструментами и напѣвами, объясняя сходство между ними не заимствованіемъ русскихъ

*) Mathieu Guthrie. *Dissertations sur les antiquités de Russie*. СПб. 1795.

у грековъ, а считая его доказательствомъ происхожденія обѣихъ націй съ востока, изъ Ирана. Матеріаль, на которомъ Гётри строилъ свои выводы, въ то время былъ еще очень бѣденъ. Сборникъ Прача былъ, повидимому, главнымъ источникомъ, откуда онъ ихъ черпалъ.

Но прошло около 100 лѣтъ, и извѣстный филологъ, Рудольфъ Вестфаль, въ распоряженіи котораго были, повидимому, болѣе основательныя данныя, въ своей статьѣ о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, читанной въ Москвѣ, въ Обществѣ классической Филологіи и Педагогикѣ, въ 1879 г.,*) высказываетъ подобный же взглядъ. По его мнѣнію, изъ всѣхъ народовъ арійскаго племени, населявшихъ восточный Иранъ въ доисторическія времена и расселившихся впоследствии по Европѣ — причемъ каждый народъ развивался самобытно и самостоятельно, хотя и подъ вліяніемъ разныхъ условій — Славяне, въ особенности же русскіе, лучше другихъ умѣли «сохранить древне-арійскую основу, какъ въ своемъ языкѣ, такъ и въ своемъ быту; мало того, русскій народъ сохранилъ эту основу въ такой полнотѣ и въ такой подлинности, что онъ въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ современныхъ арійскихъ народовъ занимаетъ въ глазахъ науки первое мѣсто».

Профессоръ Вестфаль придаетъ особенно важное значеніе сохранившимся въ народѣ свадебнымъ обрядамъ и пѣснямъ, напоминающимъ древній обычай «умыканія невѣсты». Но и другія пѣсни онъ ставитъ очень высоко. «Поразительно громадное большинство русскихъ народныхъ пѣсень, какъ свадебныхъ, похоронныхъ, такъ и всякихъ другихъ», говоритъ онъ въ той же статьѣ, «представляютъ намъ такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нѣжной поэзіи, чисто поэтическаго міровоззрѣнія, облеченнаго въ высоко поэтическую форму, что литературная эстетика, разъ принявъ народную пѣсню въ кругъ своихъ изслѣдованій, непременно назначитъ ей безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земного шара».

Предоставляя профессиональнымъ ученымъ оцѣнивать важность изученія народной пѣсни для филологіи, исторіи, этнографіи, археологіи, я прямо перейду къ вопросу, который составляетъ главную цѣль предпринятой мною работы, а именно, къ значенію собранія народныхъ пѣсень для національнаго искусства.

Народная пѣсня каждой страны играетъ важную роль въ развитіи музыки — хоровой (свѣтской и церковной), оперной, симфонической, которой она даетъ поразительно богатый матеріаль, безграничный во времени, въ пространствѣ, несравненный по глубинѣ чувства и смѣлости фантазіи. Въ Россіи всѣ композиторы обращаются къ одному общему источнику — музыкѣ народной. Въ ней сила Глинки, творца русской народной оперы,

*) Напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1879 г. № 9.

его преемниковъ Даргомыжскаго, Бородина, Римскаго-Корсакова, а главнымъ образомъ Муссоргскаго. Болѣе или менѣе вліяніе ея чувствуется и на другихъ композиторахъ — Верстовскомъ, Сѣровѣ, Бларамбергѣ. Даже Чайковскій полонъ отголосковъ народныхъ мелодій, хотя, по собственному признанію, зналъ народную пѣсню мало. Нѣкоторыя работы нашихъ молодыхъ композиторовъ также идутъ въ этомъ направленіи. Народная музыка легла въ основу русской музыкальной школы, внесла въ нее свою чудную мелодію, свой оригинальный складъ, повѣяла поэзіей сѣдой старины, свѣжимъ воздухомъ полей и лѣсовъ, непосредственностью наивнаго, искренняго чувства. Отраженіе коллективной жизни народа, участіе массъ въ индивидуальномъ творествѣ, составляетъ главную силу русской современной музыки.

На собирателяхъ лежитъ обязанность спасти произведенія народнаго генія отъ неумолимой руки времени, сохранить пѣсню отъ гибели или отъ искаженія.

Трудна задача собирателя.

Многочисленный народъ нашъ поетъ во всѣ моменты жизни: крестьянскій ребенокъ засыпаетъ подъ пѣсню матери, которая убаюкиваетъ его заунывной колыбельной; подросткомъ онъ поетъ, играя, такъ какъ пѣсни входятъ почти во всѣ дѣтскія игры; юность парня, а еще болѣе дѣвушки, полна пѣсенъ, и, по мѣрѣ того, какъ расширяется участіе молодыхъ людей въ жизни семейной и общественной, разрастается и пѣсня, все полнѣе охватывая разныя стороны жизни. Она звучитъ и въ будни, за работой, и въ праздники, когда по глухимъ угламъ Россіи воскресаютъ изъ давнихъ лѣтъ какія-то удивительныя пѣсни, намекающія на языческіе обряды и вѣрованія, связывающія наши дни съ глубокой стариной. Безчисленны свадебныя пѣсни, съ удивительною силою изображающія тотъ переломъ въ жизни крестьянской дѣвушки, когда она прощается съ «дѣвичьей красотой», со своею «вольной волею». Въ замѣчательно поэтической формѣ рисуютъ муку молодой души причеты, необыкновенно длинные и разнообразные, льющіеся неистощимой импровизаціей изъ устъ бабы-причитальщицы, которая говоритъ о своихъ минутахъ вдохновенія: «И откуда что берется—сама диву даюсь». На всѣ случаи жизни готовы причеты у талантливой причитальщицы, и «заплачки» погребальныя не уступаютъ, по силѣ, глубинѣ содержанія и образности выраженнаго въ нихъ горя, причетамъ свадебнымъ.

Если охватить воображеніемъ всю массу пѣсенъ — бытовыхъ, обрядовыхъ, былевыхъ, историческихъ, солдатскихъ, рекрутскихъ, юмористическихъ, плясовыхъ, хороводныхъ, — ихъ окажется несмѣтное количество. Мало того, большинство пѣсенъ существуетъ во множествѣ вариантовъ по разнымъ губерніямъ, уѣздамъ, деревнямъ.

Но, кромѣ вариантовъ пѣсни *по мѣстности*, существуютъ еще варианты каждой пѣсни *по подголоскамъ* *); а такъ какъ народные пѣвцы — настоящіе импровизаторы и никогда не споютъ пѣсню два раза одинаково, то и главный напѣвъ, и подголоски каждый разъ при повтореніи пѣсни слегка мѣняются, слѣдовательно получаютъ *новые варианты*.

Такъ вотъ съ какимъ матеріаломъ — безконечнымъ по количеству и неуловимымъ по измѣчивости, имѣетъ дѣло собиратель, даже теперь, когда считается, что пѣсня народная «вымираетъ». Что же сказать о старинныхъ временахъ, когда пѣсенъ было, вѣроятно, несравненно больше, а средства и способы для записыванія были хуже, чѣмъ теперь?

Неудивительно, что большинство матеріала, до сихъ поръ собраннаго, далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя ему ставятъ наука, искусство и жизнь. Филологи интересуются только текстомъ пѣсенъ — получаютъ цѣлые омы пѣсенъ безъ напѣва, что подрываетъ въ корнѣ правильность стиха и приводитъ нерѣдко къ выводамъ, которые можно уподобить зданію, построенному на пескѣ. Музыкантамъ нужны напѣвы — появляются сборники пѣсенъ съ короткимъ набросомъ мелодіи, подъ которую, въ большинствѣ случаевъ, не только не подведены слова всей пѣсни, но и записанъ только обрывокъ текста, не передающій содержанія пѣсни. Въ музыкальномъ отношеніи, для того, чтобы пѣсня вошла въ жизнь всѣхъ классовъ общества и сдѣлалась общенародной — въ записяхъ нашихъ также нѣтъ необходимыхъ элементовъ для развитія. Онѣ или слишкомъ монотонны и блѣдны, или индивидуальность композитора отмѣчена въ нихъ сильнѣе, чѣмъ духъ народа. Въ результатѣ, несмотря на нѣкоторыя замѣчательныя работы въ области нашего фольклора, рѣдкія изъ нихъ свободны отъ одного важнаго недостатка — *неточности записи*. Мало того, что напѣвъ заносится на ноты большею частію приблизительно, потому что почти во всѣхъ сборникахъ записана не вся пѣсня цѣликомъ, а только *схема* пѣсни, но и текстъ страдаетъ неточностями, такъ какъ рѣдко кто изъ собирателей — не музыкантовъ — записывалъ текстъ пѣсни съ голоса, большею же частію съ пересказа **).

*) Я сохраняю названіе «подголоски», какъ болѣе извѣстное, хотя въ народѣ нерѣдко «подголоскомъ» называется только верхній голосъ, выдѣляющій разныя украшенія. Но встрѣчается также выраженіе «пѣть на подголоски».

**) Въ доказательство того, насколько это опасный способъ, расскажу одинъ случай изъ моего опыта. Разъ какъ-то, желая провѣрить записъ, сдѣланную во время пѣнія, я попросила старика-запѣвалу «сказать» мнѣ пѣсню. Онъ началъ. Я слѣдила по тетради. Но, когда дѣло дошло до слова «уздечка», старикъ вдругъ совсѣмъ отклонился отъ сути пѣсни и сталъ перечислять и объяснять всѣ части деревенской упряжи, однако продолжая говорить складомъ пѣсни. «Да что ты, дѣдушка? вѣдь этого въ пѣснѣ не было», воскликнула я. «Пѣлъ одно, а говоришь другое». — «Погоди, погоди, ужъ дай ты мнѣ все толкомъ рассказать. Чай ты баба: гдѣ жъ тебѣ про упряжку знать?», отвѣчалъ дѣдъ.

Приведу также, какъ весьма характерный примѣръ, два варианта записи былины «Илья Муромецъ», одинъ — Рыбникова, который записывалъ *съ пересказа*, другой — Гиль-

Въ памяти пѣвца напѣвъ до того тѣсно связанъ съ текстомъ, что онъ растерянно и съ недоумѣніемъ смотритъ на всѣхъ кругомъ, когда его просятъ не пѣть, а говорить пѣсню. Когда же ему пробуютъ подсказывать, начинается споръ, и тогда онъ окончательно сбивается и запутываетъ пѣсню.

Для народнаго пѣвца *текстъ немислимъ безъ напѣва, а напѣвъ безъ текста*. Это правило должно быть священно и для собирателя. Если онъ отступаетъ отъ этого правила, *запись его не можетъ быть точна*, ни въ музыкальномъ смыслѣ, ни въ литературномъ.

Къ сожалѣнію, этотъ недостатокъ встрѣчается у многихъ собирателей. Свободны отъ него только тѣ, которые записывали пѣсни съ голоса народныхъ пѣвцовъ.

Въ прежнее время точность записи понималась собирателями довольно своеобразно. Когда въ концѣ XVIII столѣтія явился въ свѣтъ первый

фердинга, записывавшаго съ *юлоса*. Даже небольшая выдержка можетъ служить вполне наглядной иллюстраціей того, насколько выигрываетъ въ картинности и красотѣ слога запись съ *юлоса*, и какъ, съ другой стороны, слабъ и блѣденъ *пересказъ*.

Выдержка изъ былины «Илья Муромецъ» Рыбникова, томъ 1, стр. 54, съ *пересказа*:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки чернымъ-черно,
Чернымъ-черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть;
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подѣхалъ онъ къ городу ко Чернигову.

Соотвѣтствующее мѣсто въ «Онежскихъ былинахъ» Гильфердинга, томъ 1, предисловіе, стр. 44, съ *напѣва*:

Изъ того ли изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькій, дородній — добрый молодець.
Онъ стоялъ заутреню у Муромли,
Ай къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольней Кіевъ-градъ.
Дай подѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки чернымъ-черно,
Ай чернымъ-черно, какъ черна ворона,
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживать,
На добромъ кони никто тутъ не проѣзживатьъ,
Птица черныи воронъ не пролетыватьъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватьъ.
А подѣхалъ какъ ко силушкѣ великой,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьемъ колоть.
Ай побилъ онъ эту силушку великую,
Енъ подѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ-градъ.

печатный сборникъ народныхъ пѣсенъ, съ напѣвами*), авторъ его, Василій Федоровичъ Трутовскій, священникъ, игрокъ на гуслияхъ и пѣвецъ при дворѣ Екатерины II-ой, пишетъ въ «предувѣдомленіи», что онъ первый рѣшается издать пѣсни съ нотами.

«Уже издавна любители русскихъ простыхъ пѣсенъ желали чтобы оныя выданы были съ нотами въ музыкальныхъ правилахъ; но никто еще по сіе время не принялъ на себя того труда, чтобы ихъ собравъ, привести въ нѣкоторый порядокъ и подложить басовыя ноты.

«Я напоследокъ вознамѣрился, въ удовольствіе многихъ любителей, издать въ печать сіи собранныя мною Русскія пѣсни, съ тѣмъ, чтобы ихъ пѣть въ одинъ голосъ, такъ какъ онѣ обыкновенно поются; но ктожъ захочетъ пѣть или играть на инструментѣ, не откидывая басъ, то составлено будетъ согласіе. Я долженъ еще предувѣдомить охотниковъ, что сіе мнѣ стоило не малыхъ трудовъ; ибо я во всякой почти пѣснѣ находилъ въ рѣчахъ великую неисправность и принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавлять и убавлять, подводя ихъ порядочно подъ ноты. Что же касается до голосовъ, то я, прислушиваясь отъ многихъ, нашелъ что вездѣ поютъ разными манерами; и такъ старался только *сохранить ихъ точность* и утвердиться на самыхъ простыхъ (?) голосахъ. Есть ли публика приметъ благоприятно сіе малое изданіе Русскихъ пѣсенъ, то я не премину выдавать еще и другія подобныя, которыя со всевозможнымъ трудомъ и тщаніемъ собирать стараться буду. Кто же сыщеть погрѣшность, тотъ, надѣюсь, легко разсудитъ къ моему извиненію, что я, *безпорядочное дѣло приводя въ порядокъ*, искалъ по малой мѣрѣ лучшаго, если не достигъ совершенства».

Какъ можно «сохранить точность» записи и вмѣстѣ съ тѣмъ «прибавлять», «убавлять» и исправлять «великую неисправность», остается загадкой.

Ниже слѣдуетъ одна изъ записанныхъ Трутовскимъ пѣсенъ, которая дѣйствительно показываетъ, что онъ «не достигъ совершенства». Текстъ сравнительно хорошъ, но напѣвъ скорѣе напоминаетъ нѣмецкую сонату, чѣмъ русскую народную пѣсню. Приводимъ записъ цѣликомъ:

Что да на матушкѣ на Волгѣ.

Записана В. Ф. Трутовскимъ (1782 г.).

Что да на ма - туш - кѣ на Вол - гѣ не чер-

*) «Собраніе русскихъ простыхъ пѣсенъ съ нотами», СПБ. 1782. 89 пѣсенъ, въ 3-хъ частяхъ. Хранится въ Историческомъ Музеѣ, въ Москвѣ.

нымъ да за - чер - нѣ - - лось не чер-нымъ да
 за - чер - нѣ - - лось не бѣ - лымъ да за -
 - бѣ - лѣ - - лось.

Что да на матушкѣ на Волгѣ, не чернымъ да зачернѣлось *)
 Не чернымъ да зачернѣлось, не бѣлымъ да забѣлѣлось
 Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки,
 Забѣлѣлися на мачтахъ тонкіе бѣлые парусочки
 Что не черной воронѣ гаркнулъ, что возговорить Стенька Разинѣ
 Ахъ вы гой еси казацѣе наше вольное собранье
 Вы гребите не робѣйте, бѣлыхъ ручекъ не жалѣйте,
 Намъ бы Астрахань городъ ополноче бы пробѣжать.
 Черноярскій городочекъ что на утренней на зори
 Чтобъ никто насъ не увидѣлъ и никто бы не услышалъ.
 Господишь большой бояринъ Черноярской воевода
 Шолъ онъ раннѣе отъ обѣдни, велѣлъ въ колоколъ звонити
 Велѣлъ въ колоколъ звонити, во большой, во набатной,
 Чтобъ стрѣльцы да собирались, пушкари да снаряжались,
 Они пушки бы заряжали и по Стенькѣ бы стрѣляли,
 Што возговорить Стенька Разинѣ городскому да воеводѣ
 И вы порошу не теряйте и снарядовъ не ломайте,
 Меня пулечка не тронетъ, меня ядрышко не возьметъ,
 Што метаяся Стенька Разинѣ на угольную на башню.
 Со великаго раскату воеводу долой сбросилъ,
 Ево маленькихъ дѣтокъ онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

Въ вышедшемъ затѣмъ, въ 1790 г., «Собраніи русскихъ пѣсенъ съ ихъ
 голосами», Ивана Прача, чеха, помѣщена коллекція пѣсенъ, долго служив-
 шая образцомъ и источникомъ для разнообразныхъ издателей русскихъ
 народныхъ пѣсенъ и сильно вліявшая какъ своими достоинствами, такъ и
 ошибками на дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи. Въ предисловіи
 ко 2-му изданію «Собранія русскихъ пѣсенъ съ ихъ голосами» Прачъ увѣ-
 ряетъ, что «особое раченіе было употреблено на то, чтобы съ совершенною
 точностью записать народную мелодію». «Сохранивъ все свойство народнаго

*) Знаки прерыванія какъ въ подлиникѣ.

россійскаго пѣнія, собраніе сіе имѣеть и все достоинство подлинника, простота и цѣлость онаго ни украшеніемъ музыкальнымъ, ни поправками, иногда странной мелодіи, нигдѣ не нарушены». Но, несмотря на всѣ эти увѣренія, Прачь, воспитанный на нѣмецко-итальянской школѣ того времени, не понялъ духа народной пѣсни, точности не достигъ и въ сборникъ его вкралось немало искаженій пѣсни, какъ въ напѣвахъ, такъ и въ гармонизаціи.

Объясненіемъ неточности записей Прача можетъ отчасти служить обстоятельство, на которое указываетъ А. Пальчиковъ въ предисловіи къ послѣднему изданію этихъ пѣсенъ *). А. Пальчиковъ утверждаетъ, что за сборникомъ только признавалось имя Прача, но что настоящій составитель его оставался въ тѣни и былъ совершенно неизвѣстенъ. По словамъ А. Пальчикова оказывается, что составителемъ этимъ былъ Николай Александровичъ Львовъ, помѣщикъ Тверской губерніи, личность въ высшей степени талантливая, но съ недостаточнымъ, тогдашнимъ дворянскимъ образованіемъ. Повидимому онъ былъ инициаторомъ и собирателемъ, а Прачь исполнителемъ, который по порученію Львова положилъ пѣсни на ноты. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что пѣсни сборника записаны съ голосовъ народа. По свидѣтельству Ф. П. Львова, директора Пѣвческой капеллы и двоюроднаго брата Николая Александровича, онѣ записаны отъ любителей. Вотъ что онъ объ этомъ говоритъ: «Въ 1790 году, членъ нашей Академіи Художествъ тайный совѣтникъ Н. А. Львовъ, при помощи охотниковъ и родственниковъ въ его домѣ безпрестанно пѣвшихъ, въ числѣ которыхъ имѣлъ честь быть и я, сдѣлалъ новое собраніе пѣсенъ, которое съ нашихъ голосовъ положилъ на ноты г. Прачь; предисловіе при семъ изданіи написано было г. Львовымъ».

Я позволю себѣ предложить вниманію читателей примѣръ записи И. Прача, обозначивъ его буквою А1 и взявъ только мелодію, безъ сопро-
вожденія.

вводный
тонъ

Записано И. Прачемъ (1790 г.).

А 1*)

Цвѣ - ли, цвѣ - ли цвѣ - ти - ки, да по - блѣк - ли,
Лю - билъ ме - ня ми - лень - кой да по - ки - нулъ.

Въ записи А1 привычное къ народной пѣснѣ ухо поражается некрасиво звучащимъ *соль диезъ* (въ 2-хъ тактахъ) и *ля диезъ* (тоже въ двухъ

*) Русскія народныя пѣсни собранныя Н. А. Львовымъ, напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ Прачь, стр. 112.